

Марина Ирина
ВУД БИЛАРДИ

РАЗВОД

с продолжением

Ирина Биларди

Развод с продолжением

<https://litres.ru/74212762>

Аннотация

- Леля, я не знал, что она выйдет в эфир. Это провокация. Вброс!

- Шестой месяц беременности не может быть провокацией и вбросом..

В одночасье я стала «почти бывшей женой» и героиней чужого скандала.

Но скоро правда окажется ещё страшнее: ребёнок, которого так демонстративно носит на публику его «звезда» достанется мне, а мой муж захочет избавиться от наследника и отдать малыша в Дом малютки.

И именно тогда я пойму: моя роль не закончилась.

А что если правда, которую я открою громче любого скандала?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	67
Глава 12	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Пролог

— Да. У меня были связи с женатыми мужчинами. И я хочу сказать, что не вижу в этом ничего плохого. Для жен это конечно плохо! Но, так как эгоистка я страшная...

— Всем это известно, — улыбается ведущая.

— Я проживаю свою прекрасную жизнь так, как сама хочу. Если я захочу переспать с чужим мужем и от этого мне будет хорошо, я буду: красивая, здоровая и счастливая, то мне все равно на тех жен.

— При этом ты не терпишь предательства в свою сторону.

— При это я не терплю предательства в свою сторону.

— По-твоему это справедливо?

— А кто сказал что это не может быть справедливо?

— Ты не скрываешь в своих социальных сетях, что на данный момент тоже находишься в отношениях с мужчиной.

— Ну... трудно такое скрывать, — смеется и разводит руками демонстрируя свой беременный живот.

— Саш, многих интересует — он женат?

— Почти в разводе, — Саша игрово отводит взгляд и улыбается.

— Дожала? — смеется ведущая.

— Дождала, — весело кивает блогерша. — Знаешь, ничто так не дожсимаает, как шестой месяц беременности. Сейчас многие женицины будут возмущаться... Но, запомните девочки: никто и никогда, никого не уводит! Мужчина — не козел на веревке! Он четко знает, что делает! Это его осознанный выбор. Это его решение...”

Обложки желтой прессы про наших героев:

Глава 1

Алена

Утро. Дом пахнет одиночеством. Я брожу по нему, как по застывшей галерее: каждый предмет здесь дорогой и холодный, словно мрамор под босыми ногами. Огромные окна впускают сентябрьский свет, но он лишь прозрачный и бледный — не греет. На подоконнике свежий жасмин, принесенный из сада — я сама его пересаживала, бережно, как ребенка, которого у меня никогда не было.

Я собираюсь пойти в сад, чтобы доплести грядку с розмарином, потом пройтись до пруда. В следующем месяце необходимо достать оттуда контейнеры с лотосами, чтобы подготовить их к зимовке. Но телефон на столике коротко вибрирует.

Мою тишину нарушает сообщение от Танюшки:

«Аленчик, только не переживай. Это может быть, фейк. Посмотри видео». И ссылка.

Пальцы замирают. Сердце бьётся о рёбра, как пойманная птица. Таня - моя подруга - единственный человек, с которым я общаюсь в этом коттеджном поселке - и я точно знаю, что она бы не стала меня волновать по пустякам.

Я открываю ссылку.

На экране появляется она — яркая, громкая, с безупречно ровными зубами и ярко накрашенными глазами, которые

будто глотают внимание. Её лицо я знаю, как все в нашей стране: Саша Масаки. Та самая блоггерша, коуч по женскому саморазвитию, которая учит девушек дышать маткой. Ироничный символ нового поколения женщин, которые всё могут. Очередная инфо цыганка. Я всегда смотрела на неё с лёгким раздражением: слишком много лицемерия в ней, что ли. А теперь она сидит в кресле, напротив журналистки

— Саша, ну для начала — поздравляю! — улыбается ведущая.

Камера приближает лицо Саши. Та отвечает сияющей улыбкой.

— Спасибо. Это очень важный этап. Я до сих пор не верю, что всё происходит именно со мной.

— У многих твоих подписчиц сейчас один вопрос. Ты беременна?

Она смеётся, делает театральную паузу.

— Да. Я беременна, — наконец произносит она, и в студии раздаются тихие аплодисменты. — Это самое счастливое событие в моей жизни.

— Ты планировала ребенка?

Саша склоняет голову, в глазах блеск самодовольства.

— Я верю, что такое не планируется. Это подарок судьбы. Мне говорили: «Ты слишком занята, у тебя никогда не будет семьи». И вот. Когда должно было случиться — случилось.

— Кто отец?

Она звонко смеётся, хитро играя глазами.

— Конечно, понимаю, что это главный интерес. Но не готова раскрывать. Скажу одно: он невероятный человек. Сильный, умный, заботливый. Мужчина, рядом с которым я маленькая девочка.

— Ну хоть что-то! Где вы познакомились? — В Дубае, — спокойно отвечает Саша. — Абсолютно случайно. Я была там по работе, и вечером меня пригласили на вечеринку. Не хотела идти, но... Иногда нужно просто позволить жизни удивить.

— И?

— И там он, — она прижимает ладонь к беременному животу. — Я увидела его и поняла, что всё. Это мой человечек. Ведущая театрально закатывает глаза.

— Это звучит как из история из голливудского кино. Ну хотя бы скажи: он публичный человек? Мы его знаем?

— Да. — Она делает паузу, чуть склоняет голову. — Он крупный бизнесмен в медиасфере.

— Имя?

— Павел.

Это имя падает в воздух, как камень в воду, и вокруг него расходятся круги тишины.

— Павел... — повторяет ведущая, делая вид, что смакует звук. — Ничего больше не скажешь?

— Пока нет, — улыбается Саша. — Я уважаю нашу приватность. Но поверьте, он тот самый мужчина, о котором мечтает каждая женщина.

— Ты счастлива?

— Абсолютно. Я жду ребёнка от любимого мужчины. Что может быть важнее?

Камера фиксирует её лицо крупным планом. Она сияет.

— А мы тут кое-что узнали, — улыбается журналистка и делает знак режиссёру.

На экране появляется фото. Саша в блестящем платье, хочет, откинув голову назад. Рядом с ней высокий мужчина в дорогом костюме. Его рука лежит на её талии. Он наклоняется к ней, и они выглядят как пара, которую сложно не заметить.

— Вот и наш эксклюзив, — говорит ведущая. — Один вечер, одна фотография. Но иногда кадра достаточно, чтобы понять: это правда.

Саша не спорит. Только улыбается ещё шире и мягко проводит рукой по животу.

— Да, это он, — подтверждает она. — Павел. Понятия не имею откуда у вас эта фотография...

— У нас есть свои источники, — улыбается ведущая.

Паша.

Я не верю своим глазам. Мой муж... Его скулы, его тень улыбки, этот костюм, который я гладила сама, когда он собирался «на встречу».

Внутри меня что-то рвётся. Как будто я стою на краю сада, а под ногами — пустота. Я хватаюсь за телефон, но пальцы дрожат так сильно, что экран ускользает. Я сажусь прямо на

пол, холодный мрамор липнет к коже сквозь тонкую ткань домашнего платья.

Я смотрю снова, потому что мозг отказывается принимать. Фото остаётся неизменным. Она — счастливая, сияющая, беременная. И он — рядом.

Я чувствую, как кровь шумит в ушах. В груди пусто. Всё, что было моей жизнью — наш дом, мой сад, мои тихие дни — в один миг обнуляется.

Глава 2

Алена

Мы познакомились тогда, когда всё только начиналось.

У него были глаза человека, который всегда смотрит вперёд, даже если дорога ещё не выложена камнями. Павел тогда открывал свою первую компанию. Это было не похоже на бизнес в привычном смысле — скорее на безумство, на сумасшедшую идею, в которую веришь больше, чем в собственный сон. Он работал ночами.

Иногда я засыпала, слыша, как он ходит по кухне и звонит кому-то — деловые переговоры в два ночи, кипящий чайник, шорох бумаг.

Я просыпалась от света ноутбука и видела, как его пальцы не останавливаются на клавиатуре. Он мог провести так всю ночь, и на рассвете всё равно улыбнуться, обнять меня и сказать: «Мы справимся, Лель. Ты увидишь».

Мы поженились скромно. Без фанфар, без дорогих ресторанов, без сотен гостей. Просто расписались, и в тот день мне казалось, что у нас есть всё.

Потому что было главное — мы.

Павел, его ладонь, сжимавшая мою, и чувство, что рядом человек, ради которого я готова жить, вставать утром, ждать вечеров. Я смотрела на него и думала: если есть любовь, то не нужен пафос. Наши первые фотографии — простые, без

постановочных кадров, без лишнего блеска. Но они были самыми счастливыми.

Мы мечтали о детях.

Говорили об этом по вечерам, сидя на кухне, когда он возвращался после встреч, усталый, но всё ещё полный идей. «У нас будет двое. Мальчик и девочка. Или трое», — говорил он, смеясь.

Я улыбалась, рисовала в голове эти картины и верила, что всё впереди.

Но месяцы шли.

Потом годы.

Тесты показывали одно и то же.

Я чувствовала, как во мне растёт вина. Будто моё тело предаёт нас обоих.

Павел говорил: «Не переживай. Всё получится. Мы молоды. Всё впереди». Его слова согревали, но внутри меня уже поселился страх. Я перестала говорить об этом, чтобы не выглядеть навязчивой. Но он всё равно чувствовал. И гладил меня по плечу, когда я слишком долго смотрела в окно.

Первые его успехи пришли неожиданно и оглушительно.

Сначала маленькие победы: удачный контракт, заметка в профильном журнале.

Потом — всё больше. Вечера стали превращаться в ночи, а ночи — в встречи, звонки, презентации.

Я гордилась им.

Я видела, как он меняется, как его уверенность крепнет.

Мы ужинали макаронами на скорую руку и смеялись над тем, что однажды будем пить шампанское в Париже. И я верила, что так и будет.

Но постепенно всё стало другим.

Сначала это были редкие мероприятия. Он приходил домой поздно, пахнувший чужими духами и сигарами — не потому, что изменял, а потому, что его мир стал другим. Мир закрытых вечеринок, переговоров, медийных лиц.

Потом появились глянцевые журналы. Его начали фотографировать, приглашать, цитировать. В наш дом пришёл глянец. Статьи, где его называли «перспективным бизнесменом». Улыбки с обложек. И в этих улыбках я узнавала его всё меньше.

Я пыталась держаться. Напоминала себе, что всё ради будущего. Что сейчас он работает ночами, чтобы потом мы могли позволить себе больше. Чтобы у нас были дети, дом, сад.

Но внутри нарастала тревога. Мы всё реже обнимались по-настоящему. Его телефон звонил чаще, чем я успевала заговорить. Его глаза всё дольше задерживались на экране, а не на мне.

И всё же я помню первые годы как самые настоящие. Когда у нас не было ничего, кроме друг друга. Когда счастье было в том, что он возвращался утром и клал голову мне на колени, засыпая на десять минут. Когда я варила ему кофе и знала, что именно этот кофе поддерживает его до вечера.

Когда мы могли мечтать без страха, что завтра эти мечты разобьются о стены чужих взглядов. Тогда мы были просто Павел и Алена. Двое. И этого казалось достаточно.

Глава 3

Алена

Я не знаю, сколько сижу на полу. Вроде бы две минуты. Вроде бы вечность. Экран гаснет, но мои пальцы снова касаются его, будто я обязана убедиться ещё раз. Слова Саши льются липким сиропом, как реклама, как обещание вечного счастья. «Павел». Мой дом шумит пустотой. Я поднимаюсь слишком медленно, как будто в квартире на меня давит невидимая тяжесть. Мысли рассыпаются, собираются, бьют током.

Делаю то, что умею лучше всего: порядок. Поднимаю слетевшую с дивана плед-клетку, тяну за шнур жалюзи, чтобы закрыть безразлично сияющее окно, ставлю чайник. Слышу собственное дыхание — отрывистое, неровное. В зеркале на стене — женщина с ровной спиной и пустыми глазами. Я. Уголок губ подрагивает. «Спокойно. Спокойно, Алена».

Мне тридцать шесть. Я красивая. И я знаю это. Не потому что кто-то говорит или делает комплименты, а потому что зеркало каждый день отражает ухоженное лицо, гладкую кожу, блестящие волосы.

Я умею держать спину прямо, не позволяя себе ссутулиться, будто от осознания этого мира я всё ещё обязана оставаться сильной. Волосы всегда идеально уложены — привычка, вбитая годами. Даже когда внутри пустота, внешняя

оболочка должна оставаться безупречной.

Я хорошо одеваюсь, выбираю правильные оттенки, знаю, как выгодно подчеркнуть фигуру. Люди на улице могут подумать: счастливая женщина, у которой всё есть. Но я также знаю: за этой оболочкой зияет пустота, черная дыра, в которую проваливаются годы моей жизни.

Эти годы ушли не на путешествия, не на беззаботное веселье, не на роскошь праздной жизни. Они ушли на бесконечные попытки забеременеть.

Сначала — робкая надежда: «Ну вот, ещё месяц, ещё чуть-чуть — и получится». Потом — бесконечный календарь циклов, подсчётов, ожиданий, слёз после каждого отрицательного теста. Когда простые попытки перестали работать, пришли больницы. Белые коридоры, запах антисептика, усталые лица таких же женщин, как я.

Мы сидели в очередях, каждая со своей папкой документов на коленях, каждая со своим крошечным миром боли. Я помню, как мои пальцы теребили уголок пластиковой обложки, пока врач за дверью зачитывал очередной анализ другой пациентке.

Я изучила этот мир слишком глубоко. Врачи, обследования, анализы, диагнозы, процедуры с названиями, от которых холодеет внутри. Кровь, гормоны, графики, инъекции, гормональные препараты, операции, которые обещали «теперь уж точно всё получится».

Я научилась отличать голоса врачей по интонациям, зна-

ла, какой из них скажет осторожное «давайте попробуем ещё» и какой вздохнет, глядя в бумаги. Я держала себя в руках, я цеплялась за каждую надежду, за каждую крупницу веры.

Я проводила часы в больничных коридорах, сидя в пластиковом кресле с этой тяжёлой папкой документов на коленях. В ней была вся моя жизнь: страницы с результатами, заключениями, назначениями. Бумаги, которые должны были стать моим билетом в материнство. И я верила, что всё это не зря. Что моё упорство, моя дисциплина, мой отказ от вечеринок, от бокала вина, от лишнего стресса — всё это однажды принесёт плод. Что у меня появится ребёнок, ради которого я всё это выдерживаю.

Каждый раз я возвращалась домой с новыми надеждами.

Я гладила свежестиранное постельное бельё и представляла, что здесь, в этой кровати, однажды будет спать мой ребёнок. Я пересаживала жасмин в саду, словно это не просто растение, а символ будущей жизни, которой я ещё не дала случиться. Я смотрела на пруд, на лотосы, и думала, что всё это — временное, что однажды здесь будет бегать малыш. Я жила ожиданием чуда. И чем больше проходило времени, тем страшнее было признать: чудо не приходит. Оно упрямо обходит меня стороной, как будто кто-то сверху решил, что я не достойна.

Я вложила в эту борьбу всё: время, деньги, здоровье, душу. И чем больше я вкладывала, тем сильнее становилось

чувство, что я превращаюсь в пустую оболочку. Женщина, которая умеет держать спину прямо и улыбаться вежливо на светских вечерах, но которая в одиночестве задыхается от тишины в своей спальне. Женщина, у которой есть всё — кроме самого важного. И теперь, когда я смотрю на себя в зеркало, я вижу не только ухоженную тридцатилетнюю женщину, я вижу трещины в глазах. Тонкие, почти невидимые, но от этого ещё более разрушительные. Потому что в них — годы ожидания, годы борьбы и пустота, которая всё равно осталась внутри.

Телефон снова вибрирует. От той же подруги: «Набери меня». И следом: «Ален, ты только не молчи. Тебе сейчас нельзя молчать». Улыбаюсь криво. Молчать — это я умею. Но не сейчас.

С кухни слышно, как вздыхает чайник. Я не спешу выключать — этот звук хоть что-то заполняет. И тут — короткое «бип» охранной системы. Гараж. Металлические роллеты поднимаются. Колеса шоркают по гравию — знакомый ровный шум шин, которые я слышу уже десять лет каждый вечер. Он приехал.

Во мне что-то трескается окончательно. Я бережно беру телефон, включаю диктофон. Тихо. Спокойно. Рационально. Потом — собираю волосы в хвост. Не хочу, чтобы пряди липли к влажной шее. Не хочу выглядеть... слабой.

Хлопок двери. Его шаги — уверенные, как всегда. Пахнет дорогим одеколоном с холодными нотами, осенью и чуть-

чуть — чужим. Я ловлю себя на том, что пытаюсь вычислить: липстик на воротнике? Запах сладких духов, которыми пахнет она? Глупо. Все глупо.

— Леля, ты дома? — голос спокойный, деловой, с лёгкой усталостью человека, который пришел в крепость, ожидая тишины и горячего ужина.

— Дома, — отвечаю и выхожу в холл.

Он оборачивается на звук. Высокий, широкоплечий, с той самой тенью улыбки, которую я в нём всегда любила. Пальто на сгиб локтя, пиджак идеально сидит на плечах. Тот самый. Серо-графитовый, с итальянской шерсти. Мой уют скользил сегодня утром по его лацканам.

— Ты чего... — он прищуривается, отмечает мой взгляд, мой хвост, пустую гостиную. — Всё в порядке?

— Прекрасно, — говорю и сама слышу хрипоту. — У нас праздник. Страна поздравляет тебя с будущим отцовством.

Он как будто не сразу понимает: делает шаг, другой, хочет поцеловать в щёку. Я отворачиваюсь. Он останавливается.

— Ты о чём? — спрашивает мягко, слишком ровно. Это его тон для переговоров, где нужно занять территорию без лишнего шума.

Я нажимаю на экран. На всю гостиную разливается звонкий смех Саши. «— Да. Я беременна». Его глаза мгновение остаются пустыми, потом он отворачивается к окну. Слушает. До конца. «— Павел». Фото на плазме. Он. Она. Её рука на животе. Его ладонь на её талии.

Молчание.

Глава 4

Алена

— Объясни, — выдыхаю наконец, и самой странно, что голос звучит ровно, будто это деловая встреча, а не развал моего мира.

Он медленно снимает пальто, кладёт его на кресло, бросает часы на консоль — жесты спокойные, как будто сейчас речь пойдёт о сделке, а не о моей жизни.

— Это вброс, — начинает уверенно. — Провокация. Фразы вырваны, смонтированы...

— Она сказала твоё имя, — перебиваю, не повышая голоса, хотя внутри всё рвётся. — И показали фотографию. В том самом костюме. Вчера.

Его глаза ловят мой взгляд. Ни растерянности. Ни стыда. Только холодный расчёт.

— Лель, — мягко тянет. — Давай не сейчас. Не эмоциями. Это сложная история. Не такая, как её подают.

— Хорошо, — киваю. — Без эмоций. Факт: она беременна. Факт: это твой ребёнок. Факт: в эфире она сказала, что ты «почти в разводе».

Он снимает пиджак, медлит, растягивает паузы, словно шахматист, выбирающий фигуру для жертвы.

— Я собирался поговорить. Сегодня. Или завтра. На этой неделе. Мы давно... Ты же знаешь. Мы живём как соседи.

Каждый в своём мире. Мы пытались. Я пытался...

Внутри всё обрушивается. «Мы пытались». Слова, которыми мужчины закатывают бетон на чужих могилах.

— Знаю, — отвечаю глухо. — Знаю, что поливала твой сад, пока ты поливал чужой. Что гладила тебе пиджак для «встречи», а ты возвращался ночью и пах... — я запинаюсь, глотаю слёзы. — Не мной.

Он делает шаг ближе, раскрывает ладони. Как будто этот жест способен стереть месяцы лжи.

— Ален, послушай... Это случайно, я не планировал. Это как...

— «Подарок судьбы», — я почти кричу чужой, пронзительной интонацией. — Я уже слышала. От неё.

Он морщится.

— Я не знал, что она пойдёт к журналистам. Не знал, что это выйдет так. Я хотел сначала тебе. Честно.

— Честно? — я смеюсь, и смех рвёт горло. — Почему «честно» звучит как «слишком поздно»? Она на шестом месяце. Шесть месяцев, Паш! За это время можно построить дом, написать книгу, научиться жить заново! Но нельзя было набраться смелости сказать мне правду?

Он молчит. Его губы сжимаются в тонкую линию. Я помню, как эти губы говорили «люблю», как прижимались к моему виску, пока я засыпала. Теперь это чужой рот. Чужой человек.

— Я буду отцом, — бросает он наконец.

Мир гудит, как растрескавшийся колокол. Пол уходит из-под ног. Я слышу свой смех — резкий, ломкий, как осколок стекла.

— Поздравляю, — выдыхаю. — Можешь открыть шампанское.

Он тянется ближе, но я отступаю. Замечает и останавливается. В его жестах нет вины, только желание «уладить». Он берёт пульт, выключает телевизор. Тишина давит.

— Я не хочу, чтобы ты страдала, — говорит он мягко. — Я сделаю всё аккуратно. Дом — твой. Машины. Счета. Ты знаешь, я не жадный.

Я захлёбываюсь смехом.

— Машины? Счета? — слова звучат как пощёчина. — Ты думаешь, моё сердце можно заклеить кредиткой? Что боль от твоей измены зарастёт новой машиной?

— Я не виноват, — вдруг срывается он. — Это жизнь! Так бывает.

— Нет, Паш. Это не жизнь. Это выбор. Твой. И твоя трусость.

Он опускает глаза, потом снова поднимает.

— Лена, я люблю тебя. Но я иначе люблю её. Это не объяснить.

— Объяснить можно всё, — говорю. — Это аппетит. Это аплодисменты. Это молодая упаковка, пахнущая хайпом. Вот и вся разница.

Я дышу тяжело, глубоко. Считаю: один, два, три. Чтобы

не рухнуть прямо перед ним.

— Слушай внимательно, — мой голос становится острым, будто лезвие. — Завтра я подаю на развод. Сегодня же ты связываешься со своим адвокатом. И делаешь заявление. Коротко и ясно. Без «почти». Я — человек. Я — твоя жена. Пока ещё.

— Подожди... — он пытается быть мягким. — Дай неделю. У меня сделки. Партнёры. Миллионы...

— Это твоя цена, — перебиваю. — Моя — это честь.

В его глазах вспыхивает злость. Он становится тем самым Павлом, которого знают акционеры. Холодным, жёстким, нестигаемым.

— Ты не понимаешь масштабов! Один твой шаг — и мы теряем всё.

— Нет, — шепчу, и слёзы обжигают щеки. — Это ты потерял всё. Меня.

Он меняется в лице. Вспыхивает злость. Тон становится твёрже, знакомее — вот он, Павел-переговорщик.

— Я не позволю, чтобы эмоции..., — холоднеет он.

— Эмоции — это её дело, Павел, — шепчу, но каждый шёпот острее крика. — Моё — факты. — Я делаю шаг вперёд. — Факт: я не собираюсь молчать.

Он отступает — на сантиметр. Ковер под его ногами еле слышно шуршит.

— Хорошо, — выдыхает. — Хорошо. Я дам тебе всё, что ты хочешь. Но без шума. Без журналистов. Мы выйдем спо-

койно. Ты получишь дом, арт-коллекцию, ты...

— Я хочу уважение, — говорю. — И правду.

— Правда убивает, — резко отвечает он. — Ты правда хочешь, чтобы об этом знали все? Чтобы тебя жалели? Чтобы на тебя тыкали пальцем в ресторанах?

— Я хочу перестать жить в аквариуме, где ты ходишь к другой, а я ухаживаю за твоими лотосами, — говорю. — И да, пусть знают. Я не стыжусь чужих решений.

Он смотрит долго. Потом отворачивается. Берёт телефон, набирает кому-то. Я ловлю его взгляд в отражении стекла: усталое, злое, взрослое лицо. Человек, который привык всё решать. Без меня.

— Глеб, привет, — говорит он в трубку. — Да. Ситуация всплыла. И... — Он косится на меня. Я не отвожу взгляд. — И адвокат. Сегодня.

Я прохожу мимо, почти не чувствуя ног. На кухне тихо, слишком тихо. Чайник давно остыл, словно и он сдался, замолчал, перестал бороться. Я наливаю в кружку вялую воду — она ещё тёплая, но не горячая, как и я: ещё живая, но уже без пламени. Пакетик жасмина раскрывается, и этот мягкий, лекарственный запах вдруг бьёт в самое сердце. Как будто я больная. Как будто весь мой брак — диагноз. Я подношу кружку к лицу, и руки трясутся так, что рябь бежит по воде.

Телефон кладу на стол, экран светится, диктофон тянет по себе красную линию — ровную, спокойную, почти равнодушную. Я смотрю на неё и понимаю: это моя жизнь. Ли-

ния. Долгая, прямая, без всплесков. И только теперь, когда всё рушится, я слышу внутри себя нечто новое — тишину, в которой страшно трезво видно правду.

Я открываю нижний ящик буфета. Скрип такой громкий, будто дом протестует. Там — папка. Толстая, тяжёлая, с бумагами, к которым я никогда не прикасалась. Достāju. Кладу на стол. Раскрываю. Листы шуршат, как сухие листья под ногами. Брачный договор. Оценка дома. Список активов. Доверенности на счета. Всё аккуратно, разложено, будто ждало этого момента.

Не потому, что за десять лет я чему-то научилась — нет. Я жила в сладкой иллюзии, что любовь сильнее расписок и печатей.

А теперь достаю. Потому что всё закончилось. Потому что боль, как кислота, прожгла до дна. Потому что мне больше нечего терять.

Он заходит, кладёт телефон на стол, цепляет взглядом документы.

— Ты подготовилась, — воспринимает как вызов и как уважение одновременно.

— Нет, я не была к этому готова, — отвечаю.

Он садится напротив. Между нами — бумага. Холодные страницы. И пустота, густая, как туман, в котором мы оба потерялись.

— Ты до сих пор хочешь ребёнка? — вдруг спрашивает он. Голос у него ломается.

Слова режут. Как лезвие.

Я смотрю на свои ладони и вспоминаю, как этими руками держала папки с анализами в клиниках. Как сидела в коридорах репродуктивных центров, уткнувшись лбом в холодную стену, потому что сил ждать уже не было. Как каждое утро вставала в одно и то же время — колоть гормоны, пить таблетки, следить за графиками, верить, что «в этот раз получится». Как слушала врачей, что «надо подождать», что «шансы ещё есть».

— Хочу, — наконец говорю. Голос звучит неожиданно твёрдо, хотя сердце рвётся. — Всегда хотела. До боли хочу.

Он кивает. И этот кивок — самый честный из того, что он сделал за вечер.

— Ладно, — он поднимается. — Я уеду в отель. Или в офис. Я не хочу, чтобы ты... — подыскивает слово. — Смотрела на меня.

— Уедешь, — подтверждаю. — Сегодня. Охрана проведёт. Завтра утром — заявление. И пресс-служба формулирует коротко и уважительно. Без «почти». Слышишь?

Он сжимает челюсть.

— Слышу.

Мы идём по коридору. Он берет чемодан из гардеробной, кидает туда пару рубашек, зарядники, аптечку. Я стою в дверях и вдруг вспоминаю — совсем не к месту — как мы перевозили вещи в этот дом. Как вытирали пыль с новых полок. Как смеялись над тем, что я купила слишком много бокалов.

Как строили план сада. Как он целовал меня в макушку и говорил: «У нас всё получится».

Он замирает у порога, оборачивается. В глазах — тысяча недосказанных фраз, которые ничего не изменяют.

— Прости, — произносит негромко.

Дверь закрывается. Дом снова вздыхает — пустотой, простором, звоном стекла.

Я возвращаюсь на кухню.

Телефон пиликает. Сообщение от неизвестного номера: «Алена, здравствуйте. Это редакция «Твой день». Хотим взять комментарий. Готовы подъехать». Следом — ещё: «PR-директор телеканала «Сфера»: «Если вы пожелаете, мы организуем вашу версию». И третий — от Танюшки: «К воротам приехали журналисты. Я видела в районе твоего дома. Дай знак, вызывать охрану?»

Я встаю и иду к окну. За изгородью — свет фар. Обочина мерцает. Какой-то силуэт поднял камеру, объектив блеснул, как глаз.

Я на секунду прикасаюсь пальцами к животу — не к тому, чтобы мечтать, а чтобы вспомнить, что я жива. Затем — поднимаю телефон, открываю диктофон. Запись идёт. Я нажимаю «стоп». Сохраняю. Переименовываю: «Правда. Номер 1». Улыбаюсь этой случайной шутке. Затем пишу коротко подруге: «Охрану — да». PR-директору: «Комментарий будет. В письменной форме». Журналистам: «Без комментариев. На сегодня».

Глава 5

Дамир

Я люблю тишину, в которой слышно деньги. Они не звенят — они тихо перетекают из строк договора в мои счета, из чужих карманов в мои проекты, из разговора в результат. Вечерами, когда город подсвечивает небо оранжевым, я позволяю себе роскошь — просто смотреть. Стекло панорамных окон — как экран, на котором идёт фильм про меня: башни, полосы фар, черные реки проспектов. Высота сорок четвёртого этажа даёт правильную дистанцию до всего мелкого.

Сегодня я решил «провести досуг», как говорят вежливые менеджеры по бронированию. Они всегда произносят это так, будто предлагают успокоительное. Я не нуждаюсь ни в чём, что меня «успокаивает». Если честно — меня успокаиваю только я сам.

Она пришла вовремя — плюс-минус пару минут, но я заметил, что лифт остановился на моём этаже без привычной задержки; значит, поднималась одна. Хороший знак.

— Привет, — её голос тянет гласные, как нить карамели.
— Я — Лиза.

Я не спрашивал имени. Но пусть будет.

Лизе двадцать один или двадцать два — это видно по коже без намёка на усталость и по взгляду, в котором ещё есть надежда, что мир устроен просто. На ней короткое чёрное

платье на тонких бретелях — ткань течёт по телу, как тёплый шёлк, ловит отблески из окон. Вырез — смелый, не вульгарный, но уверен в себе, как и её походка: пятка-носок, пауза, плечи чуть вперёд. Талии почти нет — так кажется из-за кроя, но стоит ей повернуться боком, и линия спины рисует идеальную S: от затылка — вниз, до ямочки над поясом, там, где кожа чуть темнее и теплее.

Руки — тонкие, гибкие, как у пианистки. Маникюр — красный в тёплом спектре, не кричащий, но показывающий, что она знает, зачем сюда пришла. На щиколотке — цепочка с маленькой подвеской-сердцем; на свету она переливается, как капля ртути. Волосы уложены небрежно-дорого: те самые мягкие волны, которые держат форму, но выглядят случайностью. От неё пахнет чем-то сливочным и чистым — ванилью со льдом.

— Вино? — спрашиваю я, налегке кивнув в сторону стола. На столе — два узких бокала, бутылка бургундского и квадратный стеклянный сосуд с виски. Я музыкой не перебирал: тихий неосоул, фон.

— Если можно — белое, — она улыбается так, как учат в школах улыбок: зубы, ямочки, взгляд в прищур.

Я наливаю ей вино, себе — два пальца виски. Люблю наблюдать, как янтарь цепляется за стенки, оставляя тонкие следы. Люблю наблюдать — точка.

Лиза делает первый глоток и оглядывает квартиру. Это тоже часть ритуала: женщина примеряет пространство на себя.

На мгновение она задерживается у стеллажа, где стоит бронзовая лошадь — награда за проект пятилетней давности, — и поворачивается ко мне так, чтобы свет лёг на ключицы. Это хорошо смотрится. Она знает, как поворачиваться.

— Красиво у тебя, — говорит она. — Вид — огонь.

— Я здесь не живу, — отвечаю.

Она смеётся — легко, как будто подыгрывает. Потом она делает то, что многие делают в начале: оставляет сумочку на столике, снимает туфли, на одну секунду балансирует на носках, вытягивая икры, — и снова влезает в шпильки, как в роль. Уверяется, что я смотрю. Я смотрю. Я всегда смотрю.

— А ты какой? — спрашивает она. — Тёплый, холодный? Мне надо понимать, как к тебе подходить, коотиик...

Слово слипается у неё на языке, приторное, как сироп, и оставляет в воздухе липкую дорожку. У меня дергается уголок рта. «Коотиик...» — растянуто, с намёком на близость, которой пока еще нет.

— Не называй меня так, — говорю спокойно. — У меня есть имя.

— Извини, — автоматически. Но я вижу, как внутренняя программа у неё даёт сбой. Им удобно сокращать: «котик», «зая», «милый», «сладкий». Так быстрее выходишь на обещанный результат. Так очевидней сценарий.

Она садится на край дивана. Нога на ногу — и платье терпеливо уступает, поднимаясь на ладонь выше, чем «прилично». На коже — тонкие полоски от резинки чулка; отчётли-

во и правильно. Чулки — матовые, дорогие, с крошечной строчкой шва сзади, которая тонет в тени бедра. Она это знает и садится так, чтобы я это увидел. Я вижу. И я всё ещё спокоен.

— Расскажи, чем занимаешься, — говорит Лиза. — Я люблю слушать.

Она не любит слушать. Она и не должна. Её задача — создавать ощущение слушания. Это ремесло, и она в нём не новичок. Но её «я люблю» звучит слишком быстро — как заученный пароль. И ещё: она запускает пальцы в волосы каждые двадцать секунд, а это значит — нервничает или торопит ситуацию. Я терпеть не могу, когда меня торопят.

— Работаю, — отвечаю я. — И отдыхаю. Сейчас — отдыхаю.

— Тогда... — она чуть наклоняется вперёд, локти упираются в колени, невесомый запах льда с ванилью подбирается близко. — Давай не терять время, котик...

Второй раз. Она смотрит снизу вверх. В глазах — искусственный туман. Если бы я был тем, для кого придумали эту дымку, сейчас бы уже забывал своё имя.

Я делаю глоток. Привычная янтарная горечь расправляет углы в голове. Я мог бы сейчас кивнуть. Позволить сценарию сработать: она — мягкая, я — жёсткий, мы оба делаем вид, что это «моменты», а не услуга. Но что-то в ней начинает меня раздражать. Может быть, слишком честная копия клише. Может быть, то, как она мельком проверяет экран телефона,

когда думает, что я не смотрю: там — уведомления из «сторис», огоньки реакций на её фото в зеркале лифта. Может быть, это «котииик», в котором нет ничего, кроме спешки. А может — просто я давно не терплю, когда от меня чего-то «ждут».

Я ставлю стакан на стол. Она мгновенно реагирует — глаза чуть расширяются, пальцы отрываются от коленей, спина выпрямляется. Она ждёт движения моего. Я делаю другое.

— Поезжай домой, — произношу спокойно.

Пауза глухая, как хлопок по дивану.

— Что? — Лиза моргает, будто у неё сорвался кадр.

— Домой. Сейчас. Я вызову машину.

— Ты... — на секунду она теряет роль, сквозь маску проскакивает сама девочка; очень юная, очень старательная. — Я что-то не так сделала? Я могу... — она выдыхает, возвращая голос к бархату. — Я могу по-другому. Просто скажи, как тебе нравится. Ну...

Я подхватываю конверт с комода — тот самый, что всегда лежит там для «непредусмотренных ситуаций». Без глянцево-й символики, плотный. Сумма — достойная.

Я вкладываю конверт ей в ладонь, легко прижимая пальцами, чтобы она почувствовала вес.

— За вечер. И за то, что пришла вовремя, — говорю. — Остальное — не сегодня.

Она смотрит на меня. И я вижу, как в её расчётах меняется математика. Вроде всё хорошо: деньги на месте, драма —

минимальная. Но её самолюбие тонко шуршит. Ей двадцать с небольшим — ей важно подтверждение, что она «работает как надо».

— Ты серьёзно? — губы собираются в обиженную баночку. — Может, всё-таки... — она тянется ко мне, наклоняется, и ткань платья соскальзывает ещё на сантиметр, открывая гладкую линию бедра; чулок цепляется за свет, шов становится ниточкой — от колена вверх, к тайне.

Она красива, спорить глупо. Тело — как дорогая линейка: чёткие мерки, гладкие поверхности. Губы — окрашены инеем блеска. Шея — тонкая, на сгибе — родинка, маленькая, правильная. Плечи — как в учебнике. И всё это — в моём кадре, на моём диване, в моей тишине. Но сегодня красота не попадает в фокус.

— Серьёзно, — подтверждаю я. — Твой водитель уже едет.

— Я приехала сама, — фыркает. — Я вообще-то самостоятельная девочка.

— Тем лучше, — киваю.

— Подожди... — она пробует третий раз, тихо, с нежностью, которую можно купить на час. — Может, хотя бы... — она делает маленькое движение коленями, словно случайно. — Я старался для тебя.

— Уверен, — говорю мягко. — Но я не покупаю старания.

Секунда — и в ней собираются сразу несколько выражений: обида, профессиональная злость, азарт проигравшего,

который хочет реванш. Она надувает губы — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы это выглядело мило. Потом встаёт.

И вот теперь — её «соблазнительный вид» раскрывается полностью, как цветок при световом сигнале. Лиза поднимается, медленно проводит ладонями по бокам, расправляя платье. Ноги — длинные, туфли — острее любого аргумента, каблук выгрызает из воздуха лишние сантиметры. Платье садится на неё, как на манекен: обнимает бёдра, обозначает талию, поднимает грудь. Тонкая лямка на правом плече чуть сползает — и она одним пальцем отправляет её назад, не глядя, на автомате. Этот жест многие репетируют часами — чтобы он был именно таким, будто «сам».

Она собирает волосы в хвост и тут же развязывает — поток мягких волн падает на спину. В профиль — линия подбородка, тень ресниц, лёгкий поворот шеи. Она знает, куда поставить локоть, чтобы ключицы подчеркнул свет. Знает, как пройти от дивана до зеркала — пятка-носок, пауза, будто сцена под ней пружинит. Она смотрит на себя в отражение и улыбается — сначала в зеркало, потом мне: «видишь?» Да, вижу. Было бы смешно утверждать обратное.

— Ну ладно, — произносит она наконец, берёт сумочку. — Ты странный. Все хотят, а ты — нет.

— Я — не все.

— Ты уверен, что не передумаешь? — она склоняет голову, как кошка, которая знает цену своим движениям. — Я могу остаться просто так. За компанию. Бесплатно...

— Не усложняй, — прошу, ткнув пальцем на панель вызова. — Лифт здесь.

Она снова фыркает — и это фыркание звучит почти искренне, без сладкой обёртки. Обиделась. Хорошо. Обиды быстро рассасываются, когда конверт тяжёлый.

Я подхожу к двери раньше неё и, не глядя, провожу карточкой по считывателю — щёлкает защёлка, тёплый воздух коридора смешивается с моим. На секунду мы оказываемся близко — достаточно, чтобы я почувствовал пульс у неё на шее. Быстрый. Злость — тоже кровь.

— Пока, — говорит она, и в этом «пока» полузаявка на «ещё увидимся», полузаковырка «ты ещё пожалеешь».

— Спокойной ночи, Лиза, — произношу. — Доедешь — напиши агенту.

— Агенту, — передразнивает, но тихо, под нос. — Конечно.

Она делает два шага в коридор, оглядывается — красивый профиль, ровные брови, взгляд, в котором много тренировки и немного девочки из общежития. Потом поворачивается, спина снова рисует свою S, хвост волос качается так, будто у него есть собственная траектория. Дверь закрывается мягко, как книга без закладки.

Глава 6

Дамир

Я остаюсь в тишине. Неосоул снова становится фоном, виски возвращается в ладонь, стекло в окне — в экран. Где-то внизу гудит город. Я делаю глоток и чувствую, как ровнее становится дыхание. Я думаю о том, что власть — это не о том, чтобы «получать всё». Власть — это о праве сказать «нет» даже тому, что тебе просто дали. Особенно — этому.

Телефон на столе вибрирует, подсвечивает столешницу холодным светом. Сообщение от службы: «Автомобиль для Елизаветы подан». Через минуту — второе: «Клиентка уехала». Всё чисто.

Я дохожу до окна и упираюсь ладонью в стекло. Оно отдаёт холодом. Там, на трассе, какой-то водитель перестраивается без поворотника, другой возмущённо мигает фарами. Внизу люди идут с пакетами, держатся за руки, ссорятся, смеются, молчат. Жизнь расплзается тонкими нитями, которые никто не держит в одной руке. Я люблю то, что держу. — Девятый час, — говорю я вслух, сам себе. — Отлично.

Можно было бы позвонить в зал, чтобы принесли из «закрытого» один набор стейков и овощей на гриле, но я голода не чувствую. Я чувствую пустоту, которая не тянет, не ноет, — просто тихо есть, как чистый лист бумаги. Не самая плохая пустота.

Отхожу от окна, снимаю пиджак и устало приземляюсь на кожаный диван. От нечего делать включаю телефон. Большой палец механически гонит ленту вниз: блёстки вечеринок, чужие завтраки, чужие мотивирующие цитаты, чужие «успехи». Мир делает вид, что всё важно, — а я делаю вид, что верю. Новостной блок подмешивает перец в сироп. «СРОЧНО», «ЭКСКЛЮЗИВ», «МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ». Я пропускаю до тех пор, пока не вижу знакомую заставку студии на чёрном: белая линия, уезжающая в перспективу, и тихий щелчок — логотип. Лента сама тормозит под пальцем.

Видео запускается без звука — автостарт. Выставляю громкость на середину. Картинка чистая, дорогой свет. Лицо — в лёгком нюде, волосы — собраны лениво, но каждый «случайный» волосок держит линию. На ней белая рубашка мужского кроя — слишком широкая, чтобы быть офисной, и слишком правильная, чтобы быть чужой. Рубашка заправлена только с одной стороны в высокие джинсы, вторая — сползает, обнажая ключицу.

— Саша, — голос ведущей смягчён, как голос стоматолога перед уколом, — ты обещала нам «самое честное интервью в своей жизни». О чём ты готова говорить?

Саша улыбается — коротко, как человек, который уже принял решение и теперь боится только того, что будет слишком много тишины между словами.

— О себе, — говорит она. — И о том, что со мной про-

исходит.

Она набирает воздух, переводит взгляд на нижнюю кромку камеры — тень ресниц падает на скулу.

— Я беременна, — произносит спокойно. И ровно в этот момент звукорежиссёр убирает фон до шёпота — слышно, как дышит студия, как чуть шелестит микрофон о ткань.

«Кому это интересно?», — думаю я и выпрямляюсь, поднимая голову с диванной подушки.

Ведущая кивает. Делает паузу с правильной поддержкой.

— Ты счастлива? — спрашивает.

— Я... — Саша улыбается неловко, как девочка у школьной доски. — Я не знаю, как это правильно назвать. Я чувствую жизнь. И страх. И ответственность.

Камера чуть меняет угол. В боковом стекле шкафа с книгами отражается световой квадрат софтбокса — видно, что работают два источника по диагонали. Значит, съёмка не «на бегу», значит, подготовка. Плановая бомба.

— Ты готова назвать отца? — мягко ведёт ведущая.

Девушка смотрит в камеру, и вот сейчас — студийное время замирает. Я ставлю видео на паузу щелчком. Прислоняю телефон к колену. Смотрю на стоп-кадр.

Детали. На левом запястье у неё тонкий красный шнурок — подарки психологов и странных гуру. На правой руке — тонкое обручальное кольцо? Нет. Присматриваюсь. Это не кольцо. Это тень в выпуклой кромке бокала на столике, который поставили перед ней, — вода играет на пальце. По-

нятно.

Жму «Play».

— Он женат, — произносит Саша и не отводит взгляд.

Студийная тишина в этот момент особенная. Она умеет звенеть, как холодная ложка. Ведущая опускает глаза, чтобы разглядить драму, и кивает — ровно столько, сколько нужно.

— Ты знала? — тихо.

— Сначала — нет. Потом — делала вид, что не знаю.

Боже, что за бред? Зачем я вообще это смотрю?!

Глава 7

Алена

Я просыпаюсь раньше будильника — телефон уже светится, как чужая свеча в моей спальне. Экран дышит уведомлениями, красные точки распухли до раздражающего зуда. В ленте — я. В новостях — я. В комментариях — не я.

Чайник пыхтит, как маленький злой зверёк. Жасминовый пакетик лезет в воду, а я, как в прошлый раз, смотрю, как расплзается жёлтое облако. Когда-то я верила, что чай может меня собрать. Сейчас он лишь фиксирует время: две минуты, три, четыре — за это в сети меня успевают назвать паразитом, соержанкой, холодной стервой, не оценившей «такого яркого мужчину». Я улыбаюсь пустому воздуху. Яркость он включал сам — как прожектор. Я лишь держала шнур от удлинителя, чтобы не перегрелось.

Папка с документами лежит на столе, как кирпич. Бумага пахнет типографской краской, плотной, как крем на чужих тортах. «Раздел имущества». Я пальцем провожу по тонкой полоске биндера — чувствую шершавый край, как занозу. Юрист объясняет, что брачный договор можно трактовать по-разному.

«По-разному» — это где между каждым словом воздух как стекло. В нём отражаюсь я — синие тени под глазами, высоко собранные волосы, слишком прямая спина. Привыч-

ка держаться во что бы то ни стало.

Соседка из третьего дома по нашей улице, мама какого-то чиновника, приходит без звонка — как раньше, когда приносила банку варенья. Теперь вместо банки — журнал.

— Посмотри, может, и не надо тебе такое видеть, но всё же... — говорит она, опуская глаза.

Глянец холодит пальцы. На обложке — мой муж. Павел. Улыбка на миллиметр шире, чем настоящая. Рядом Саша — вся в молочном свете, с округлым животом, на котором лежат его ладони. Подпись жирная, блестящая:

«Любовь победила. Впервые откровенно о чувствах».

Я смотрю на буквы, как на гвозди крышки гроба моей семейной жизни. Они вбиты в бумагу ровно и блестят, будто отполированы счастьем.

Разворот — интервью. Читаю стоя, с кружкой в руке, будто это инструкция по выживанию:

— Павел, вы ждете этого ребёнка?

— Да. Это — чудо, которое случилось не по плану, а по любви.

— Сашенька, не страшно ли было, зная, что он женат?

— Страшно — жить без чувства. А беременеть было даже приятно.

Слова режут, как тонкое стекло.

— *Что для вас семья?* — спрашивает журналист.

— Семья — там, где правда, — отвечает Павел. — Я долго притворялся, что у меня всё хорошо. Но теперь по-насто-

ящему живу.

«По-настоящему живу»... А со мной что, у него понарошку все было? Сволочь!

Я кладу журнал на край раковины, туда, где с посуды стекает вода. Бумага медленно темнеет, как будто краснеет от стыда. Чернила плывут, и лица расползаются — Саша превращается в белое пятно, Павел в размытую тень. Журнал пахнет парфюмом и типографской краской — как те цветы, что он когда-то приносил мне: красивые, но безжизненные.

Соседка мямлит:

— Всё так быстро меняется, Ален... держись, ладно?

Я киваю. Она уходит. В холле остаётся лёгкий запах её духов — ландыш и пыль.

Я возвращаюсь на кухню. Вода капает из крана. Лужица под журналом растёт, и страницы вздуваются волнами, как поверхность пруда под дождём.

Я вдруг думаю о своих лотосах. Осенью я перенесла их в подвал — в темноту, в покой. Они не видят этого глянца, не слышат интервью, не знают слов «чудо» и «по любви». Им легче. Они просто ждут весны, и я впервые завидую им за это спокойствие.

Телефон вибрирует — уведомления из новостных каналов: «Павел Миронов и Саша Масаки рассказали о будущем ребёнке».

Под каждым постом — фотографии: их руки, их смех, их кухня, где даже свет кажется счастливее.

А под фото — комментарии: «Как красивая пара!», «Вот она — настоящая любовь!», «А бывшая, видимо, просто не берегла».

Я закрываю экран. Тишина становится густой, как сироп. Журнал медленно стекает в раковину, и последняя строчка интервью расплывается в нечитабельное пятно:

— Главное — не бояться быть честными, — говорит Саша. — Даже если кто-то пострадает.

“Кто-то” — это слово прилипает ко мне, как мокрая бумага к коже. Я вытираю ладонь о полотенце и ставлю чайник. Жасмин пахнет, как раньше. Только теперь этот запах не про дом. Открываю ноутбук. На экране — письма:

«Мы хотим взять у вас комментарий». «Предлагаем эфир». «Семейный психолог готов поддержать». «Зачем жить, если всё разрушилось?» — пишет кто-то анонимный, и ставит сердечко. Сердечко. Я закрываю почту и вижу заметку от подруги: «Я тут, если что. Но у меня сегодня дедлайн и ребёнок с температурой. Обниму тебя вечером». Я пишу: «Не переживай. Справляюсь». Нажимаю отправить и сразу же понимаю, что соврала.

Я не справляюсь. Я притворяюсь справляющейся. Мне сейчас просто выть от боли хочется. Лечь на пол и заорать во всю глотку. Но вместо этого я надеваю пальто. Выхожу на улицу. Воздух октябрьский — влажный, звонкий. Папарацци, как стайка серых птиц, появляются из ниоткуда. Вопросы — стрелы:

«Алена, вы знали? Алена, вы теперь одна? Алена, вы сожалеете?»

Я молчу.

На углу меня догоняет голос водителя: «Давайте мы пойдём с другой стороны, там нет камеры». Он говорит «мы», хотя он один. Я киваю. Мы. Как раньше, когда на семейных фотосессиях оператор говорил «мы теперь повернёмся» и никто не спорил.

В офисе юриста тихо. Тишина деловая — не та, где слышно дыхание близкого человека. Эта другая: в ней слышно, как карандаш царапает бумагу, как капает кофе в тонкую фарфоровую чашку. Воздух пахнет бумагой и чужими решениями.

Мой юрист — женщина лет сорока пяти, короткая стрижка, дорогие очки. Она не смотрит на меня с жалостью — и это уже облегчение.

— Готовы, Алена? — спрашивает спокойно.

— Да, — отвечаю. — Готова.

На другой стороне стола — представитель Павла, гладкий, уверенный, с папкой, толще, чем книга жалоб. Его улыбка напоминает витрину: блеск без тепла.

— Мы хотели бы провести всё корректно, — начинает он.

— Без лишних эмоций. Рынок наблюдает.

Я едва не смеюсь.

— Рынок наблюдает? Мы обсуждаем не акции. Это мой брак, не IPO.

Он делает вид, что не услышал.

— Согласно брачному договору, господин Миронов сохраняет бизнес-активы, а вы получаете денежную компенсацию, недвижимость в Москве и автомобиль.

Юрист поворачивает ко мне лист:

— Пункт первый: квартира на Остоженке — в вашем пользовании, но без права продажи до достижения ребёнком совершеннолетия.

Я тихо улыбаюсь.

— У нас нет ребёнка, — напоминаю. — Пункт неактуален.

Она кивает и перечёркивает строку.

Представитель Павла переглядывается с ней.

— Тогда, возможно, стоит пересмотреть объем компенсации. Основания для повышенной выплаты были именно эти.

— Основания, — повторяю я. — Основания — это пятнадцать лет брака. Пятнадцать лет, когда я была не просто женой, а всем остальным, чего у него не было: домом, расписанием, тишиной.

Он листает бумаги, будто ищет в них аргумент.

— Всё это трудно документально подтвердить.

— Конечно, — говорю. — Домашний труд не облагается налогом, его не фиксируют бухгалтеры. Но всё это — тоже вклад.

Юрист вмешивается мягко, но твёрдо:

— Господин Морозов, прошу помнить, что по статье 39 Семейного кодекса вклад каждого из супругов в общее имущество считается равным — независимо от того, получал ли он доход.

Он поджимает губы.

— Хорошо, — произносит. — Но господин Миронов просил сохранить за ним автомобиль Bentley.

— Конечно, — говорю. — Пусть оставит себе. Ему нужнее — чтобы продолжать выглядеть успешным.

Юрист делает пометку.

— Тогда фиксируем: квартира — полностью за вами, денежная компенсация — сто двадцать миллионов рублей, предметы искусства — по списку, долей в компании — нет.

Я беру ручку, читаю строчку медленно, проговаривая каждое слово.

— Уберите «добровольно» из пункта третьего, — говорю. — И добавьте дату. Я люблю даты.

Представитель Павла моргает.

— Простите, но это формальное требование.

— Формальности убивают смысл, — отвечаю я. — Пускай останется просто: «стороны согласовали».

Юрист кивает, поправляет формулировку.

Чернила ложатся на бумагу как блестящий лак.

— Алена, — произносит представитель Павла после паузы, — поймите, мы стараемся сделать всё мирно. Павел не хочет скандала.

— Скандал уже случился, — отвечаю спокойно. — Только не я его начала.

Он отводит взгляд.

— Хорошо. Тогда подписи.

Ручка тяжёлая, гравированная, наверняка из его офиса. Я ставлю подпись — ровно, без дрожи. Подпись Павла уже стоит рядом: уверенная, размашистая, как автограф на плакате.

— Всё? — спрашиваю.

— Формально — да, — отвечает юрист. — Через неделю нотариус зарегистрирует соглашение, и вам переведут компенсацию.

Я поднимаюсь. Мужчина пытается протянуть руку:

— Без обид, Алена. Вы же понимаете...

— Я всё понимаю

Он улыбается беззубо и не знает, что ответить.

Я выхожу в коридор. Воздух пахнет кофе и бумагой. На стене — часы, секунда тянется долго, как нить.

Раньше я думала, что мой дом — это он. Теперь понимаю: дом — это место, где на документах стоит твоя подпись.

Глава 8

Алена

Возвращаюсь домой — а там уже поселилась желтая пресса. Не физически — в воздухе. Ставлю таймер на плите, лишь чтобы слышать предсказуемые щелчки. В телефоне — очередной вброс:

«Алена не комментирует. По слухам, она истерична и ненавидит детей».

Я читаю это дважды. Третий раз — вслух. И вдруг смеюсь. Но звук выходит неправильный — сухой, рваный, будто сломанная струна пытается вспомнить мелодию.

Когда ты столько лет хочешь ребёнка, когда измеряешь жизнь не по сезонам, а по задержкам и анализам, когда каждый Новый год загадываешь одно и то же, а потом покупаешь новый блокнот, чтобы не видеть старые желания — смех про «ненависть к детям» звучит как издевательство. Как мыльный пузырь, лопнувший на похоронах.

Я вспоминаю, как держала в руках тест — две полоски, еле видимые, неуверенные. Как Павел сказал: *«Не накручивай себя раньше времени, может, ошибка»*. И оказался прав. Ошибка. Тогда и теперь. Обидно, что вся моя жизнь - это тоже большая ошибка.

Я вспоминаю стерильные кабинеты, белые стены, руки врачей, запах спирта. Помню, как сидела на кушетке с тон-

кой простынёй и слушала, как врач говорит усталым голосом: **
** — У вас хорошие шансы, просто нужно время.

А потом прошло пять лет. Семь. Десять. И слово «*время*» стало звучать как диагноз.

Я не ненавижу детей!..

Да я знаю, как пахнет чужая коляска на весеннем ветру. Я знаю, как опускается живот, когда видишь мать, целующую лоб ребёнка. Я знаю, как выглядят эти крошечные носки, которые я однажды купила — «на удачу» и спрятала в нижний ящик, чтобы Павел не видел. Иногда я всё ещё открываю его. Просто чтобы убедиться, что они на месте.

Я читаю комментарий ещё раз.

«Ненавидит детей».

Может, мир просто не умеет различать боль и безразличие. Когда внутри пусто, это не значит, что там ледяное сердце. Иногда это просто место, где никого не поселилось.

Я откладываю телефон. Смех всё ещё звенит в воздухе — неловкий, чужой. Ставлю чайник, чтобы заглушить эхо и думаю, что, наверное, это и есть настоящая ирония: мир любит судить женщин за детей — и за их отсутствие одинаково яростно.

Танюшка приходит ближе к девяти. Я уже не жду никого — сижу на кухне в халате, слушаю, как капает кран, как остывает чайник. Свет над столом тусклый, мутный, будто сам устал от моих мыслей. Она появляется в проёме с пакетом. Пахнет корицей и чем-то домашним. На щеках лёгкий

румянец, волосы в небрежном пучке.

— Я принесла пирог, — говорит подруга, чуть виновато.
— Знаю, бестактно приходить с едой в такой момент, но я не умею чинить жизни. Только печь.

Я впервые за весь день улыбаюсь.

— Лучше пирог, чем советы.

— Ну вот и прекрасно, — она ставит пакет на стол, вытаскивает форму, режет широким ножом. Крошки рассыпаются по столу, как песок. — С яблоками. Не из магазина, честное слово.

Я молчу, наливаю чай. Жасмин уже не пахнет — просто горячая вода с чем-то горьким.

— Ты выглядишь... спокойно, — говорит Танюшка, присаживаясь. — Но я знаю, что это обман.

— Не обман. Это пустота.

Мы сидим молча пару минут. Только чайник шипит, а нож стучит по фарфору. Она кладёт мне кусок пирога, себе — поменьше.

— Рассказывай, — говорит она. — Всё. Без глянца.

Я выдыхаю. Слова идут неровно, будто я долго хранила их под кожей.

— Ты сама видела это интервью.. а потом эти бесконечные публикации.. Они там вдвоём — он и Саша. «Любовь победила». Фото, улыбки, живот, руки. И он держит её за талию так... — я делаю паузу, — так, как когда-то держал меня.

Только раньше я думала, что это настоящее, только наше.

— А теперь?

— Теперь все то же самое с ней. Но уже специально, на показ. Он всегда умел продавать эмоции.

Танюшка молчит, кивает. У неё глаза спокойные, но внимательные. Она не перебивает.

— Юрист сказал, что всё идёт по плану. Подписали соглашение. Квартира в городе — моя. Компенсация будет. Бумажно я защищена. Но я чувствую себя... как будто меня вычеркнули из собственной жизни. Поставили точку, не спросив, готова ли я.

— Он хотя бы извинился? — тихо спрашивает она.

— Нет. Павел не извиняется. Он объясняет. Говорит, что «всё к лучшему», что «мы просто разные». А я слушаю и думаю: разве можно быть разными в доме, где всё общее — даже боль?

Танюшка вздыхает.

— Знаешь, он всегда был таким. Помнишь, как на той вечеринке он говорил, что чувствует себя инвестором в отношения? Я тогда ещё подумала: опасная формулировка.

Я усмехаюсь.

— Да, инвестировал. Только всю прибыль забрал с собой.

Мы смеёмся обе — коротко, нервно. Смех разбивает тишину, как щёлканье спички в темноте.

— А дети? — спрашивает она осторожно. — Ты ведь... хотела.

Я молчу. Потом говорю, тихо:

— Хотела — это мягко сказано. Жила этим. Паша говорил: «Не зацикливайся». А как не зацикливаться, если всё внутри тебя — сплошной круг ожидания?

Танюшка сжимает мою руку.

— Я помню. Ты тогда перестала пить кофе, потому что «вредно». А он всё смеялся, что ты фанатка ЗОЖ.

— А я просто верила, что хоть что-то зависит от меня, — говорю. — Что если я буду правильной, всё получится. А потом он сказал: «Давай остановимся». Как будто это марафон, который можно просто сойти, если устал.

Танюшка не отвечает. Лишь гладит меня по руке. Её ладонь тёплая, настоящая.

— Знаешь, — говорит она спустя паузу, — все вокруг сейчас будут говорить, что ты сильная. Что всё правильно. Но тебе не нужно быть сильной. Можно просто быть. Хоть немного живой.

Я отвожу взгляд. Глаза жгёт.

— А если я не умею?

— Научишься, — говорит она просто. — У тебя получится. Без него.

Я улыбаюсь — впервые искренне.

— Ты так уверена?

— Конечно. Потому что я знаю, какая ты. Ты не про глянец, не про титулы. Ты — про смысл. А смысл не умирает с браком.

Мы пьём чай. Он остывает быстро, но уже не кажется пустым. Танюшка рассказывает про своего сына, про то, как он на днях спросил, можно ли жениться на учительнице. Мы смеёмся. Она говорит про работу, про соседа, который снова затопил их газон. Мир возвращается в кухню кусочками — как после долгого обморока.

— Таня, — говорю я, — спасибо, что пришла.

— Ты что, — она машет рукой. — Я просто не могла не прийти. Сидеть и смотреть, как тебя рвут в новостях, — это хуже, чем ругаться с рабочими, которые строят нам террасу.

— Думаешь, правда на моей стороне? — спрашиваю я, глядя в кружку.

— Не думаю, знаю, — отвечает она. — Потому что ложь всегда громче, но тише живёт. А правда — наоборот. Её не видно, но она остаётся.

В её голосе нет жалости — только спокойствие, которое я давно не слышала. Я вдруг замечаю, как тихо стало. Без комментариев, без новостей, без звонков. Просто две женщины, две чашки, кусок пирога и немного тепла.

— Отходи от экрана, — говорит Танюшка мягко. — Они — не твоя правда. Они — картинка.
Я киваю.

— Я знаю. Но отлипнуть трудно.

— Тогда просто начни с паузы. И выключи звук.

Она смеётся.

— И запомни: пироги всегда лучше, чем посты.

Мы смеёмся обе. И впервые за долгое время мне не боль-

но. Просто тихо. Я ловлю себя на мысли, что воздух стал теплее, будто осень передумала. Танюшка достаёт контейнер, заворачивает мне остатки пирога.

— На утро, — говорит. — Когда проснёшься и подумаешь, что всё зря — съешь кусок. И вспомни: нет, не зря, если есть такая вкуснотень.

Когда она уходит, дверь закрывается мягко, почти без звука. Я остаюсь на кухне, смотрю на блюде с крошками, на чай, на отражение в стекле. Где-то глубоко внутри всё ещё больно. Но уже не так. Теперь там есть место — для воздуха, для правды, для себя.

Глава 9

Алена

Ночью мне снится вода. Пруд с лотосами, но уже без моего ведра, без моих осенних забот. Они сами держатся, широкий лист не тонет, даже когда его целуют капли дождя.

Я просыпаюсь от вибрации — новый пост Саши. Она в белом, волосы — мягкая волна, живот — чуть больше, чем вчера. Подпись: «Учусь доверять миру. Спасибо всем, кто посылает любовь». В комментариях — сердечки, цветочки, поздравления. И одна реплика, как нелепая нота: «При таком раскладе жена должна расти вместе с мужем! Карьеру делать, либо бизнес строить. Тогда бы этот кобель не прыгал бы по всяким там Сашам!» Этот голос утопает в сиропе. Я не лайкаю. Я ничего не делаю. Просто смотрю пять минут. Десять. Пятнадцать. Потом выключаю телефон и иду в ванную. Холодная вода возвращает меня из кино чужих жизней.

На следующий день у меня эфир. Я не хотела, но юрист настоял: «Один раз скажем — и замолчим. Это работает».

Студия напоминает операционную: холод, резкий свет, запах пластика. Ведущая улыбается, как будто мы в кулинарном шоу. Вопросы предсказуемые, как список покупок.

— Чувствуете ли вы вину? — она спрашивает это как будто про соль.

Я говорю:

— Нет. Я чувствую голод. До правды.

Пауза. Кто-то в аппаратной машет рукой. Мы движемся дальше.

— Вы завидуете?

— Чему?

— Счастью своего бывшего мужа, — уточняет.

— А в уверены, что это все счастье?

В глазах ведущей — лёгкий сбой. Я не играю по тексту. Я называю вещи своими именами. Когда мы заканчиваем, у меня дрожат пальцы. Не от слабости, нет. От перегруза. Это как затыкать ладонью дырку в бассейне: вода всё равно найдёт щели.

После эфира — вал писем: «Вы сильная». «Вы монстр». «Вы же знали». «Вы не знали — как так?» Меня хотят распределить по полочкам. Я не помещаюсь. Я закрываю ноутбук, и в отражении чёрного экрана вижу себя и окно за спиной. В небе — сухая белизна, как грунт на чистом холсте.

Слышу звонок в дверь — не звук, а приказ. Резкий, настойчивый, как будильник, который кто-то поставил мне в чужой комнате. Я замираю на секунду, чувствую, как в груди щёлкает что-то очень маленькое, но важное, — и иду в коридор.

На экране домофона — Павел. Пальто графитового цвета, воротник поднят, плечи — как чужая мебель, которую поставили посреди моей прихожей. За его спиной — двое. Одинаковые лица “служебной внешности”, носы ровные,

взгляды пустые. Охрана. Они стоят полубоком к камере, будто так меньше заметны. Забавно.

Я оставляю цепочку. Открываю дверь на ладонь. Между нами — аккуратная щель в один осенний сквозняк.

— Нужно поговорить, — говорит Павел. Голос сухой, деловой, как в день, когда он подписывал контракт на переезд в новый офис. — Срочно.

— Мы уже говорили, — отвечаю спокойно. — Через юристов.

— Не язви, — он делает шаг к двери, но цепочка звенит, и это хороший звук. — Ты понимаешь, что ты натворила? Саша после твоего “интервью” плачет. У неё тонус. Ей нельзя нервничать.

Я смотрю ему в глаза. Они точно такие же, как в журнале, — только без ретуши. Чуть темнее под ресницами, и в глубине — раздражение, замешанное на страхе.

— А ты решил прийти ко мне с охраной и рассказать о нервной системе беременной? — я наклоняю голову. — Логика безупречна.

Он сжимает челюсть.

— Сними цепочку, поговорим нормально.

— Нормально — это через адвокатов. Как ты любишь. — Держу паузу, вынимаю телефон и нажимаю запись. — А еще вот: разговор фиксируется. И теперь так будет всегда.

— Запрещаю записывать, — автоматически бросает он.

— Тогда не приходил бы, — я улыбаюсь. — Ты у моей

двери, Павел. С двумя мужчинами за спиной. Я имею право фиксировать происходящее.

Один из “мужчин” шевелится и отворачивается. Второй остаётся статуей.

— На секундочку, этот дом пока еще и мой тоже, — выдыхает Павел. — Алена, по-человечески прошу: сделай заявление, что ты не имеешь претензий. Что у нас всё цивилизованно. Что ты... отпустила. Саше нужно спокойствие. Ты же женщина — пойми.

Слово “женщина” в его устах звучит как методичка. Я касаюсь пальцами холодного металла цепочки — тактильная память успокаивает.

— По-человечески было бы — не делать обложек, пока не подписаны соглашения, — говорю ровно. — По-человечески — не выставлять её живот в витрину, если ей “нельзя нервничать”. По-человечески — не стоять у моей двери с поддонами для давления. Видишь, сколько по-человечески мы упустили?

Он моргает. Секунда. Я вижу, как его пальцы складываются и разжимаются у края пальто. Когда-то эти руки держали моё лицо, теперь держат дверь.

— Юристы уже готовят иск, — произносит он. — За порочащую информацию.

— Я нигде не назвала имён, — напоминание звучит нежно, почти мягко. — Я говорила о себе. О своих чувствах. Чувства, Павел, у нас пока что закон не запрещает. Даже в

твоём мире.

— Все и так всё поняли! — вспыхивает он. — И это твоя цель — чтобы поняли. Ты хочешь выглядеть жертвой.

— Нет, — отвечаю, и самой удивительно, как спокойно выходит голос. — Жертвой я быть точно не хочу.

— Давай без сцен, — Павел откашливается, переводит в переговорный тон. — То, что ты сказала в эфире, — удар. СМИ это разнесли. Саша перечитала комментарии, у неё поднялось давление. Врач сказал — контроль стресса. Я прошу: напиши короткий текст. Просто три пункта: мы расстались мирно, мы уважаем выбор друг друга, и ты просишь уважать нашу частную жизнь. Пять строк, Алена. Пять. — Он подаётся вперёд и, будто наконец заметив цепочку, отступает на полшага. — Я отправлю шаблон.

— Вот возьми и сам напиши!

— Ты специально издеваешься? — он криво усмехается. — Разве тебе трудно? Ты же не хочешь ей навредить? Ты всегда была... нормальной. Рациональной. А сейчас — что? Хочешь войны?

Слово “война” — как холодная ложка к зубам. Неприятно, но не больно.

— Я хочу, чтобы у моей двери не стояли незваные гости, — перечисляю, загибая пальцы. — Чтобы тебя интересовало не только её давление, но и моё. Чтобы мои чувства тоже уважали.

Он тяжело выдыхает. На секунду я вижу прежнего Павла

— без камер, без дресс-кода, с усталым лицом мужчины, который плохо спал. Это видение рушится быстрее, чем лужа под журналом.

— Не вынуждай меня. Я могу быть очень неприятным противником.

— Ты уже неприятный визитёр, — отвечаю. — Противником быть поздно. Мы давно в разных видах спорта.

— Алена, — его голос вдруг проседает, почти до шёпота. — Ну пожалуйста. Сделай это ради мира. Ради того, чтобы... — он ищет нужное, и находит самое заменимое: — Ради приличия.

— Приличие — это уходить вовремя, — говорю. — Ты опоздал.

Пауза тянется, как тонкая карамель. Охранник справа кашляет в кулак. Второй изучает узор на ковролине.

— Ну, ладно. Я сейчас уеду, но я вернусь, — говорит Павел, собираясь в узел, как он умеет.

— Уже боюсь, — отвечаю.

— И да, я хотел оставить тебе этот дом, но сейчас думаю, что мы его продадим.

— Напугал ежа голой задницей! Тогда я продам городскую квартиру и выкуплю твою долю!

Я с силой захлопываю дверь у него перед носом. Цепочка звенит, и звук похож на финал короткой пьесы. Он ещё секунду стоит по ту сторону — я чувствую это телом, как чувствуют взгляд в спину. Потом — шаги. Тяжёлые, сдержан-

ные. Двое “служебных” подтягиваются за ним. Автомобиль глотает их, и дом снова становится моим.

Глава 10

Дамир

Я вхожу в офис на пятнадцатом — моё королевство из стекла и бетона, запаха кофе, цифр и амбиций. Карточка скользит по считывателю — короткий писк, двери распахиваются чуть раньше, чем я их толкаю. Меня узнаёт техника, воздух, даже лифт — тот с лёгким вздохом открывается быстрее обычного.
Я всегда прихожу первым из топов, но не самым ранним: ровно в то время, когда девушки из маркетинга успели подкрасить губы и налить себе кофе, а мужчины ещё не спрятались за мониторы. Этот момент — лучшее зеркало компании: свежие духи, шелест юбок, шёпот, который мгновенно замирает, как только я вхожу.

Сегодня — не успел. Разговор был слишком сочный, чтобы оборваться вовремя.

— ...ты видела? — шепчет бухгалтер из инвестиционного блока, блондинка с тонкой золотой змеей на шее. — Прямо в эфире! Живот этому показала. Шестой месяц!

— Это же она, Масаки, — отвечает HR-девочка, та, что умеет врать глазами. — Девочка, которая дышит маткой. Гений продаж. И — секси, конечно.

— А он... кто? Говорят, Павел Миронов. Крупный. Медийный. Я его на форуме видела — весь из лоска и самодовольства.

— Представляешь, жена бедная... — тянет третья, — хотя если честно... я бы на месте Масаки тоже не прошла мимо.

Я почти не замедляюсь. Пальцы скользят по перилам, глаза — по лицам. Девочки, словно по команде, выпрямляются. Гладят юбки, приглаживают волосы, приглушают блеск в глазах. Я киваю — ровно, без улыбки. Сегодня мне не до игр.

Но я чувствую их взгляды — спиной, шеей, кожей. Они знают, кто я: Дамир Шахин. Владелец группы компаний, человек, который за одно утро может продать завод и купить сеть логистических центров. Холост. Богат. Безупречно одет. В городе таких — меньше десятка. И да, они млеют. Не скрывают. За спиной шепчут — «у него в квартире окна во всю стену», «спит, наверное, на льняных простынях, как в отеле». А ещё — «ни одна не задержалась». Это правда.

В лифте до сих пор пахнет моим парфюмом — тёплый, сухой, без намёка на сладость. В моём кабинете — дубовый стол, стеклянная перегородка с видом на Москву, где огни уже сливаются в сплошной световой поток к вечеру. На диване — серый кашемировый плед, подаренный одним швейцарским банком. На полке — пара трофеев за корпоративные премии и фотография яхты, не потому что я ею горжусь, а потому что там идеальный горизонт.

Интервью я не видел, но утро началось с заголовков: «Шестой месяц», «почти в разводе», «любовь вне закона». Саша Масаки. Павел Морозов. Звёздная пара. Пластмассовый сюжет. Павла я не знаю, но тип таких узнаю с перво-

го взгляда — глянцевого фасад, улыбка на камеры, часы, надетые поверх мужественности. Мужчина, который покупает внимание и называет это харизмой. Я ловлю себя на лёгком отвращении. Не к нему — к самому феномену. К этой липкой публичности, где даже интимное превращают в контент.

В коридоре перешёптываются. Я слышу — краем уха, но не пропускаю мимо:

— Говорят, он тоже холост, как наш босс. Только у нашего вкус лучше.
— Наш — не поведётся, — отвечает другая.
— Он же кремень.
— А может, просто не встретил ту самую?
— Или встретил, но отпустил.

Я закрываю за собой дверь кабинета и усмехаюсь.
Мой офис — мой остров. Мягкий свет, ароматный кофе, тишина, стоящая дорого. Внизу — сотни людей, наверху — я. Между нами — стекло, дисциплина и слухи.

Иногда я думаю, что это всё — тоже своего рода интим. Только в другом масштабе. Они жаждут моего одобрения так, как другие женщины — прикосновения. Им достаточно взгляда, чтобы целый день ходить с улыбкой.
А мне — достаточно помнить, что любое внимание имеет цену. И расплачиваться я не обязан.

Я опускаюсь в кресло, открываю планшет с графиком поставок и снова чувствую, как офис оживает за стенами: смех, шаги на каблуках, короткие сообщения в чатах.
Каждый день здесь начинается одинаково: новости, кофе, сплетни, мой приход — и внезапная тишина.
Я привык к это-

му ритуалу.

Сегодня, правда, внутри всё чуть иначе. Может, потому что слишком много этого липкого медийного шума вокруг — беременность, измены, разводы, «почти любовь». Всё это звучит как дешёвый фон.
 А я не люблю дешёвое. Ни в делах, ни в чувствах.

Глава 11

Дамир

Ассистентка ждёт у моей двери с планшетом.

— Дамир, у нас сдвиг по логистике из Гамбурга, — говорит тихо. — Ребята из снабжения уже наверху, ждали вас на девять. И Марина просила подпись по отчёту ЭкоИнициатив. Плюс... — она улавливает моё настроение и обороты, как механику коробки передач, — встречи по покупке «Север-Пак» я перенесла на послеобеденное. Вам так будет удобнее?

— Так, — киваю, не глядя. — Начнём со снабжения. Потом финансы. Потом риск. Марину — после рисков. «Север-Пак» — ближе к четырём, мне нужно почитать их ESG.

Я люблю начинать день с проблем. Разогревает. Как ледяной душ.

Первая встреча заливает комнату картами поставок. На экране — наши контейнеры, точки, линии, стрелки:

— Двенадцать сорокопятифутов из Шанхая ушли вовремя, но в Гамбурге докеры объявили частичную забастовку, — докладывает Дибя, щурясь, — окно слота навернём, если поджаться. Альтернатива — через Антверпен, но там очередь.

— Пропускная — конечно. Потеря по дням?

— Пять-шесть.

— Стоимость?

— Сорок тысяч на демередж, плюс перенос.

— Меняем маршрут, — отрезаю. — Антверпен. Внутренние плечи усилить, чтобы убрать пробку по ж/д. Людям за переработку — оплатить. Я не буду экономить на сдвиге, если мы теряем выручку на готовом.

Записываю в голове: позвонить логистическому партнёру. Они расслабились: когда мы начинали, звонили мне по имени-отчеству. Теперь — «согласуем». Я не согласовываю. Я — требую.

Финансовый директор, Максим, аккуратно протягивает мне отчёты.

— Денежный поток у нас всё ещё сильный, — почти благодушно, — но в четвёртом квартале выдавливает оборотка. Складские запасы растут, потому что отдел продаж захотел «успеть до Нового года». Я их ругаю, но...

— Давай цифры, — перебиваю, мягко, но жестко.

— По группе: выручка — плюс семь процентов к кварталу, EBITDA — минус полтора к плану, кассовый разрыв на декабрь — условно двадцать шесть, если не поменяем план отгрузок.

— Меняем, — говорю. — Снимаем спорные позиции, не будем гонять под бойлы и акции. Отгружаем только то, что уходит по предоплате или с гарантией. Бонусы — привязать к инкассации, а не к отгрузке. Больше будет? Да. Но я лучше поссорюсь с продавниками, чем с банками.

Максим кивает. Он любит сухую логику. Я — тоже.

Отдел риска привозит то, что обычно не любят приносить.

— Нам прилетела проверка по импортной документации двухлетней давности, — говорит юрисконсульт, у неё пальцы чуть подрагивают, но голос ровный. — Формально — просто запрос. Но тот инспектор... — она заминается, — у него есть реноме человека, который любит находить.

— Будем ему давать, — отвечаю. — Но по процедуре. Всё через канцелярию. Все ответы — письменно. Все встречи — протоколировать. Если он начнёт «намекать», вы встаёте и уходите. Я перечитаю те декларации сам. Позовите Воробьёва: он их формировал.

Я могу быть горячим — и часто таким и бываю, — но мой гнев умеет ждать. Он любит документы, факты, даты.

Дальше — «Север-Пак». Производство упаковки, идеальная синергия с нашей ритейл-логистикой. Но их цеха пахнут прошлым веком, а бухгалтерия — неудобными вопросами.

— Смотрели их экологический след? — спрашиваю, листая. — У них свалки вокруг, а в презентации — «зелёная фабрика».

— Мы нашли два договора с мусорными операторами из соседнего региона, — осторожно отвечает аналитик М&А. — Один — чистый, второй — «серый».

— Уберём «серый», — отрезаю. — Без «серого» экономика не бьётся? Значит, экономику — в урну. Я не куплю себе мины под фундамент.

Они сжимаются. Им нравится, когда сделки закрываются. Мне нравится, когда после них можно спокойно спать.

В одиннадцать заходит Марина из корпоративных коммуникаций с «ЭкоИнициативой»: государственный грант на модернизацию очистных. Я подписываю проект и говорю:

— Но потом вы отвезёте журналистов туда, где это реально работает. Без катания по «потёмкинским» перемычкам. Пусть снимают фильтр, как он есть. Мы не «почти» зелёные — мы либо зелёные, либо нет.

Слово «почти» сегодня режет слух. Оно — в каждой фразе. Почти в разводе. Почти не виноват. Почти прав.

Я успеваю спуститься в цех, переключить станок на тестовый формат и выслушать мастера, который работает со мной десять лет.

— Дамир, ну ты же понимаешь, — он улыбается виновато, — если мы загоним «шестёрку» на скорость, рез начнёт плавать. Лучше — дополняем «пятёрку». Будет медленней, но ровно.

— Ровно — убедил, — говорю. — Клиент нам платит не за «быстро», а за «как договорились».

Он кивает. Мне нравится эта простая правда. В бизнесе не так уж много сложного: обещай, делай. Не обещай того, что не сделаешь. И не объясняй потом, почему «почти» сделал.

К полудню я чувствую, как под кожу подступает раздражение и к людям, к шуму. Дела — идут, но везде тянется липкая нить чужой драмы. Она залезла в телефоны, она при-

липла к словам в коридоре, к чату акционеров, где один уже хмыкнул: «Слышал, у медийных там весело». Вот от этого — брезгливость. Мне неинтересно — кто с кем и где. Меня интересует — кто за что отвечает.

В два часа дня звонит Семён:

— Ночью свободен? — голос у него всегда одинаковый: густой, довольный, как у человека, который обедает лучше, чем завтракает. — Я взял кабинку в «Соколе». Старые джентльмены, новые девочки, караоке, все, как ты ненавидишь.

— Звучит как мой персональный ад, — отвечаю. — Во сколько?

— В девять. Я заеду.

— Не надо, — говорю. — Сам.

К вечеру я успеваю обойти ещё одну проблему — наш старый склад, где нужно менять пожарную систему. Проект — дорогой, люди — плачутся. Я слушаю, смотрю на план эвакуации, вспоминаю, как в детстве в подъезде кто-то поджёт почтовые ящики, и мы спускались по чёрной лестнице, кашляя. Подписываю смету, говорю: «Закрыть до конца квартала», и впервые за день позволяю себе выйти на крышу.

Город под вечер пахнет металлом. Воздух хрустит. Я втыкаю руки в карманы и думаю, что в какой-то параллельной реальности я мог бы оказаться тем самым «Павлом»: красивый, публичный с яркой женщиной за руку. А потом думаю, что нет. Мне скучно, когда всё понятно. Я не понимаю, как

можно жить в чужом сериале.

В девять я открываю дверь клуба, где полумрак стоит так дорого, будто это — товар. Семён уже там. Он машет мне из кабинки, где на столе — лед, устрицы, жареные креветки, говяжья щёчка, которую он обожает, и бутылка, которую я не пью.

— Брат! — он всегда так: обнимает, смеётся, входит в тебя, как в парную. Полный, жизнерадостный, с щетиной — он нравится женщинам тем, что с ним легко. Он — как хлеб, от которого пахнет домом, и при этом как специя, которая обещает праздник. — Я думал, ты меня снова кинешь ради своей любви к деньгам.

— Деньги вернее, — говорю. — Они не обещают лишнего.

— А бабы обещают лишнего? — подмигивает он. — Или наоборот — забирают?

Я усмехаюсь.

— Бабы — разные. И мужики — тоже.

Он наливает себе. Закусывает щедро.

— Ты знаешь, — он вытирает губы салфеткой, — я тут подумал. Ты свой мотор так бережёшь.словно для избранницы бережёшься. То девочка тебя согреет, ты ей пальто подашь и такси вызовешь — и всё. То эскорт какой-то к тебе прицепится, а ты еёпустишь. Это не человеческий подход, Дамир! В наш век приложений и одноразовых чувств — твой подход антинаучен.

— Не вижу смысла просто трахаться, — говорю, не меняя интонации. — Честно. Это скучно.

— Скучно?! — Семён чуть не давится от возмущения. — Брат, ты такой богатый и такой бедный одновременно. Нас, мужиков, природа придумала, чтобы плодиться и размножаться. Ну хотя бы делать те же действия. Даже если без результата. Главное — не забывать предохраняться, — он смеётся, и с ним смеётся половина кабинок поблизости. — Ты, когда свою будущую королеву встретишь, у тебя там всё заржавеет!

— Скорее — отполируется, — отвечаю. — Я не против действий. Я против пустоты. Я — за намерение. Если там нет намерения, я лучше пойду в душ.

— И отпущу эскортницу с миром, — коверкает он мою фразу. — Ты реально не стал с ней? Красивая же была. Высокая. Ноги...

— Ноги — это ноги, — пожимаю плечами. — Там не было ни уважения, ни интереса. Она продавала. Я не покупаю, когда мне не нужно.

— Ты просто боишься, — говорит он, как диагноз. — Боишься, что тебе понравится. Боишься зависеть.

— Я боюсь тратить время, — отвечаю. — Понравится — отлично. Не понравится — я не хочу потом неделями вспоминать лица и искать смысл там, где его не было. Это как бизнес: я не вкладываюсь в проект, если не понимаю — за счёт чего он живёт. В постель — то же самое.

Глава 12

Дамир

Семён закатывает глаза, но улыбка у него тёплая.

— Ты невозможный. Ну ладно, оставим твою сексуальную диету. Скажи лучше: слышал про эту... как её... Сашу Ма-саки? Та, что ушами шевелит и маткой дышит? Ты видел, как она технично увела денежный мешок своим животом?

Я делаю неторопливый глоток воды. Удивительно, как люди умеют называть вещи «техническими», когда речь про чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.